

*Посвящаю внукам:
Пете, Катю, Лизе*

Сергей

НИКОНЕНКО

*Далёкие
милые
были*

Москва
2020

УДК 792.07:929
ББК 85.334.3(2)6-8
Н64

Литературный редактор Л.И. Калинина
Художественное оформление Н. Кудря
Фотография на обложке: © Виктор Борисов / Фото ИТАР-ТАСС.
Фотографии во внутреннем оформлении из личного архива автора

- © Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)
Во внутреннем оформлении книги использованы кадры из фильмов:
«Война и мир», реж. С.Бондарчук
© Киноконцерн «Мосфильм», 1967 г.;
«Это случилось в милиции», реж. В.Азаров
© Киноконцерн «Мосфильм», 1963 г.

Никоненко, Сергей Петрович.

Н64 Далёкие милые были. Мемуары актёра театра и кино / Сергей Никоненко. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103300-2

Друзья и коллеги Сергея Никоненко надеялись, что однажды он запишет то, что очень бережно сохранила его память, что важно и как биография, и как хроника эпохальных событий, а главное — как наблюдение за развитием личности, как опыт становления актёра. Получилась книга — интересная, мудрая, весёлая; а там, где вспоминаются страдания и грусть, там есть и вера, что ЛЮБОВЬ всё изменит к лучшему. Книга как путешествие, а начинается оно в том самом доме, где некогда жил Есенин, в той самой квартире, где не раз бывали и Василий Шукшин, и Никита Михалков, и...

«Стой, кто идёт?!» Серёжа остолбенел — он никак не мог понять, откуда раздавался голос. Наконец заметил меня, и мы начали хохотать. Он поднялся ко мне в «подстаканник», где мы допили «кончаловку», а потом отправились к нему на Сивцев Вражек, в его потрясающую коммунальную квартиру, населённую незабываемыми персонажами, среди которых я с того момента прожил ровно полгода».

Никита Михалков, Народный артист РСФСР
(цит. по книге мемуаров «Территория моей любви»)

УДК 792.07:929
ББК 85.334.3(2)6-8

© Никоненко С.П., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-103300-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. РОЖДЕСТВО	7
Глава 2. (У)ЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА	34
Глава 3. ЛЮБОВЬ, НАША ПРАВДА И ТЕАТР ...	107
Глава 4. ПОЛЁТЫ И ПРИЗЕМЛЕНИЯ	173
Глава 5. БУДУЩИЕ АКТЁРЫ И РЕЖИССЁРЫ ...	231
Глава 6. КИНО И ЖИЗНЬ: УРОКИ МАСТЕРСТВА	284
Глава 7. ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО	315

Глава 1

РОЖДЕСТВО

Бабка подтолкнула, и я вышел.

Улица ослепила и оглушила — весна расправлялась с зимой. Прищуренным глазом увидел голубей в московской синеве: стайка, ложась на крыло, то внезапно пропадала, то вновь возникала, дружно махая крыльями и входя в поворот. С крыши хлестали радужные струи, по булыжной мостовой проворно завивались ручьи. Фыркала лошадь, цокала подковами, за ней железными ободами колёс гроыхала телега. Блея козлиным клаксоном, расплёскивала лужи легковушка «эмка». Визжало колесо точильщика, брызгая снопами искр. Горлопанила ребятня, гоняя казаков-разбойников из подворотни в подворотню, за ними с лаем носились две шелудивые дворняги. Пищали девчонки, прыгая через верёвочку. И весь этот галдёж норовили перещebetать, перекаркать, перечирикать взбудораженные весной птицы.

Самая желанная весна... Весна сорок пятого.

— Баба Тань, далеко ли? — остановила мою бабушку соседка по коммуналке грузная тётка Груша.

— А у церкву.

На миг получив свободу, я тут же полез в лужу — опробовал обнову: проверил самодельные красные каалоши из бельгийской тонкой резины на моих подшитых валенках.

— Ах, пострел! Чаво удумал, — спохватилась баба Таня, — а ну, ходи сюды.

Корявая бабкина клешня схватила меня за ручонку и потащила за собой по разбитому тротуару Сивцева Вражка, в сторону Гоголевского бульвара — потащила по всему моему раннему детству.

Баба Таня была мне прабабушкой — бабушкой она была моей матери. Моя мама рано осиротела, и вырастили её баба Таня и баба Феня. Счёт своим годам баба Таня потеряла и, сколько я помню, на протяжении лет пятнадцати на вопрос, сколько ей, отвечала: «А восемьдесят чатыри». Годы согнули бабу Таню; маленькая, юркая, с мужицкими руками, с ногтями, что камни — не всякие ножницы их брали. Баба Таня раньше всех вставала: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт», — и поспеть за ней никто не мог.

— Коню столь работы не переделать, сколь я за жисть подняла.

От неё я узнал молитвы, от неё же и сказки. Эти сказки слышали от своих бабушек все русские ребятишки: «Няйдеть коза с орехами, няйдеть коза с калёными...» Сказки сменялись молитвами, и я повторял за бабушкой «Отче Наш», «Богородице Дево, радуйся» и длинную «Верую».

— Серёньк, — не раз говорила мне бабушка, — вырастешь, большим станешь, може, и у партию у ихнюю уступишь, а иконку-то под подушкой дяржи.

Взгрустнёт баба Таня — жизнь свою трудную

вспомнит, детишек своих малых, умерших в младенчестве. Из тринадцати только две девочки выжили, да и из этих, из двух, мамина мама молодой при родах умерла. Голод вспомнит, пожар, войну японскую, мужа своего непутёвого, по всей сельской округе прозванного Азекой — первым затейником был на святках, на свадьбах, на Масленице, на гуляньях да на престольных праздниках.

— Во куды гляди, а не в бутылку, — очнувшись, проговорит баба Таня. — Прости, Господи, Азеку-греховодника! Скоромным в пост не брековал, да и до ручки горькой дужа охоч был.

«Ручка горькая», скорее всего, была самогонка, а название тянулось от «русской горькой». По морщинистой щеке скатится слеза в беззубый рот, начнёт бабушка слегка раскачиваться и запоёт:

Не унывай, душа моя,
 Уповай на Господа.
 Помяни, Господи, печаль мою,
 Да кого спошлѣшь на помощь мне,
 Не Твоя ль я коза заблудшая,
 От Твоего стада отставшая...

Прошли мы с бабкой Плотников. Там на углу такая здоровенная лужа была — так и хотелось пройти её напрямиком, но бабка потянула к себе, и я зацепил только край лужи.

— Куды тебе, лихоманка, несёт? От неслух какой!

Ноги и на этот раз не промокли — красные калоши выручили. Мне их сделал дядя Сергей. Он пришёл с вой-

ны, когда ещё снежные сугробы были; хромал — ходил с палкой. Ехал домой через Москву. А в Москве у него родня, да родня-то такая, дальняя — нашему плетню забор двоюродный — моя мама. Первым делом — мыться. Нагрели на плите большой бак воды, отнесли в ванную, керосину мама дала ему от вшей, мыла хозяйственного, и заковылял фронтовик на помывку.

Потом пили чай. Дядя Сергей достал из своего большого мешка кусок пилёного сахару и дал мне. Кусок был большой, прямо с мой кулак. До чего же сладкий был тот военный сахар. После чая дядя Сергей снял мерки с моих валенок. Из того же мешка достал красную резину, нож, рашпиль и клей вонючий — и пошло дело. Работал-приговаривал: «У меня этой резины на всю Рязань хватит».

Прошли Калошин проулок (это так тётка Груша — соседка по квартире, портниха, коренная москвичка — говорила: не «переулок», а «проулок»).

— Эвона рассापливился... иде утирка? — Бабка достала тряпку, вытерла мне нос. — Ну, ходи веселей, — потянула и заголосила задорно:

Раз, два –
везём дрова.
Три, чатыри –
причанили.
Пять, шесть –
Бъём шерсть.
Семь, восемь –
Сено косим.
Девять, десять –
Деньги весять.

Шарк-шарк — шаркает бабушка, шлёп-шлёп — шлепаю я, норовя больше по ручейку. Прошли «Старые Конюшни» — вот и церковь Филипповская, нищие при входе. Бабушка развязывает узелки на тряпице и раздаёт милостыню по одной монетке: кому копейку, кому две. Я уставился на слепенькую старушку в белом платочке. Она всегда сидела слева от входа, когда светило солнышко. Её вечно окружали тётки — когда две-три, когда больше. Красная лицом, она им что-то бойко говорила и говорила, помогая маленькими ручками каждому своему слову. Если её не было при входе, то она была внутри храма. Она мне казалась очень забавной. Знать бы мне тогда, что это была за старушка! Это потом, лет через пятьдесят, а может, и больше, я узнаю, какая великая духовная мощь, какая крепость православная ютилась возле храма Св. Филиппа в этой маленькой слепенькой старушке — то была сама Матрона.

Перед входом баба Таня сняла с меня вязаную шапочку и платок из-под неё, трижды перекрестилась, трижды поклонилась — я повторял за бабушкой, — и мы вошли в церковь. На последние медные грошики бабушка брала самую тощую свечку и шла к Богородице. Я за ней, как нитка за иголкой, держась за край её штопаного-перештопаного рыжего деревенского полушубка с коваными застёжками. После службы — домой.

Три дороги были у нас с бабушкой: длинная — в церковь, покороче — на Собачку (Собачью площадку) за керосином и короткая — на Арбат за хлебом. За хлебом я любил ходить больше всего, хоть и вставать приходилось ни свет ни заря и спешить надо было очередь занимать, пока булочная ещё не открылась. И тут не баба Таня тянула меня, а я её: «Баба, хлеба не хватит!» Долго

потом взрослые вспоминали меня маленького: «Баба, хлеба не хватит!»

За несколько шагов до булочной я вырывался из бабушкиной клешни, скидывая вязёнку (так бабушка называла варежку), и, лизнув языком свою ладошку, тянул её дяде, который химическим карандашом писал на ней номер очереди.

Шли из церкви домой: «Старые Конюшни»... Калосин... Я шёл впереди, баба Таня, шаркая, сзади.

— Серёньк, ходи сюды, глянь-ко, рассупонился. — Баба Таня перевязала съехавший на мне ремень от противогаза.

Дома на кухне баба Таня водрузила медный чайник на керосинку, которая стояла на большой плите из белого кафеля. Достала припрятанную большую кружку с селёдочными головами.

— Серёньк, нынче Благовещенье. Ти будешь мурцовку ись?

Мурцовка — штука нехитрая. Селёдочные головы заливаются крутым кипятком, кружка накрывается тарелкой, головы парятся — мурцовка настаивается. А как настоится, крошится в неё чёрный хлеб — и всё, мурцовка готова. Баба Таня умудрялась и головы селёдочные съесть. Мне тогда, в сорок пятом, и мурцовка казалась вкусной.

Самая вкусная еда была для меня — похлёбка, которую мой отец Пётр Никанорович приносил в солдатском котелке со службы. Отец служил шофёром в пожарной команде, рядом с Собачьей площадкой. С начала войны он крутил баранку огнемётной «катюши», а после ранения в сорок третьем его перевели в Москву, в пожарную часть.

На помятых погонах у отца всего две лычки, на ногах — большие чёрные ботинки и обмотки до колен... Я с разбегу прыгал на отца, крепко-крепко, что было силёнок, обнимал его за шею и долго-долго не отпускал. Папа пах большой красной машиной — в этом запахе смешались и бензин, и масло, и дёготь, и махорка. И слаще этого запаха и вкуснее ничего для меня тогда не было — даже лучше церковного ладана.

В середине апреля на мою четвёртую весну, в день рождения, прибыл с фронта дядя Андрей. Он был танкист, майор. Женат на Нине, моей двоюродной сестре, которая на двадцать лет была меня старше. Встретиться в Москве они могли только у нас, другого места встречи у них не было. Андрей был откомандирован куда-то далеко-далеко на восток, а сейчас возвращался в Германию добивать фашистов. Проездом оказался в Москве, и у него в запасе было ещё три дня. Он дал знать об этой короткой московской передышке жене Нине (она работала швеёй на подмосковной фабрике).

Моя мама светилась радостью, ожидая их встречу. Нагрели воды — танкист Андрей помылся. Ужинали жареной картошкой с тушёнкой, которую привёз танкист. Праздник! Мне дядя Андрюша подарил шоколадку-шарик больше моего кулака. Я тогда ещё не знал шоколадного вкуса.

Ждали Нину, жену дяди Андрея, пили чай. Танкист закинул ногу на ногу, я же уместился двумя ногами на его зеркально начищенном сапоге, и, придерживая за руки, дядя Андрей качал меня вверх-вниз, вверх-вниз. Мама рассказывала историю, которую я слышал потом не один раз.

«Двадцать первого июня в субботу мой Петечка (так мама называла отца) отправил нас с двухмесячным Серёнькой на Смоленщину. Приехали в Корнеево к Фенечке двадцать второго. Я ещё ни подарки не успела раздать — отрезы ситцевые на платья, — ни в Митюшино к родне не ходила, ни в Слепцово, а уж с Андреевского прибежал Виталий и с большака закричал:

— Война!.. Война!..

Мне бы сразу спохватиться, да и назад в Москву, но тут вся дубенковская родня загалдела:

— Да она, война эта, через неделю кончится! Шапками их закидаем!

Дядя Вася Тужиков совсем по-газетному сказал:

— Малой кровью на чужой земле!.. Своей земли — ни пяди! Враг матёрый будет бит повсюду и везде!..

Голова кругом — места себе не находила. Ночь не спала, решила утром телеграмму отбить. Серёньку покормила, оставила на бабу Таню с Фенечкой и побежала в Андреевское — благо рядом. На почте очередь, все телеграммы шлют. Встретила знакомую с Ашуркина, сказала, что у меня ребёнок грудной, пустили без очереди. Написала: «Петя война что делать». На другой день снова на почту... до востребования... Петечка откликнулся: «Срочно беру отпуск скоро буду». Какой там! На четвёртый день войны Петечку призвали в армию шофёром. Он успел и телеграмму дать, и письмо написал. Телеграмму не получила — что-то сломалось с телеграфом, а письмо хоть и долго, а дошло. В письме написал, чтоб я с Серёнькой постаралась вернуться в Москву, советовал обратиться за помощью к секретарю райкома Петракову (они дружили по охотничьим делам).

Я снова в Андреевское, к Петракову, а райком закрыт... Изба Петракова заколочена... Хоть волком вой! Пошла к председателю колхоза лошадь просить — до Новодугина доехать. Уговорила. Дядя Вася Тужиков усадил нас с Серёнькой на телегу в свежескошенное сено и повёз. Рано тронулись — к обеду были в Новодугине, и тут как снег на голову: ни на Вязьму, ни на Сычёвку с Новодугина поезда не ходят.

— Нинк, — дядя Вася почесал за ухом, — иде наша не пропадала?.. Мерин кавхозный, хамутня свой, погоный — ня стой... Давай до Вязьмы двинем, семьдесят вёрст не околица, завтра к вечеру и будем тама.

Поехали, ночевали в стогу сена — ночи тёплые. Добрались до Вязьмы — там столпотворение, людской муравейник: беженцы с тачками, чемоданами, узлами, детскими колясками. Военные, молодёжь с лопатами — танковые рвы копать. Кругом шум, ор, треск, ругань. Билетов на Москву нет, пойдёт ли поезд — неизвестно, а и был бы поезд, билета б мне не продали — вызов нужен: Москву закрыли. А в толпе этой привокзальной один разговор, как немец прёт.

Нам бы с дядей Васей не на Вязьму надо было ехать, а на Гжатск — расстояние такое же, а там за два-три дня и до Можайска дойти. А уж от Можайска — где попутками, где пешком — как-нибудь добрались бы до Москвы. Пришлось с Вязьмы возвращаться. Приехали — председатель взялся за дядю Васю.

— Где был? Вместо одного дня четыре пропадал!

— Не шуми, начальник, ключик-чайничек. До Вязьмы доехали, разведку провели. Не ерепенься, председатель, пызырёй, а суши-ка сухари. Немец не сегодня завтра до Смоленска достанет.